

● «АСИСЯЙ» МЕЖДУ ЛОНДОНОМ И МОСКВОЙ

Вячеслав Полунин: «Язык тела более интимен»

ЗНАМЕНИТОГО «Асисяя» Вячеслава Полунина в России не застать. Дома для его театра «Лицедеи» не нашлось крыши. Теперь он живет в Лондоне уже три года с женой и тремя сыновьями.

- Наш театр «Лицедеи» просуществовал лет 20. Мы переросли, исчерпали себя. И это нормально. «Лицедеи» - это лирическая клоунада, которая была нужна брежневскому миру как сохранение личности в каком-то ее маленьком, закрытом мире.

- Вы теперь художник-одиночка. Нет ощущения грусти, что вы что-то утратили?

- Нет. Я занимаюсь простыми вещами, которые важны каждый день для каждого человека, - мечта, друг, надежда, одиночество...

Я, наверно, живу так, как будут жить все люди через 40-50 лет. Я свободен. Когда-то моим миром была моя деревня. Потом она расширилась до Орла, потом до Москвы, до Петербурга, до Берлина, Гонконга. И теперь мне все равно, Гонконг это или Париж, но не потому что я их не люблю, я люблю так же, как Ленинград. Живу там, где мне сегодня хорошо. Обожаю путешествия, встречи. Границы между государствами мы держим, потому что боимся их перешагнуть. Но это скоро пройдет.

- Не кажется ли вам, что слово, язык исчерпали себя и именно поэтому ваше искусство так выразительно?

- Думаю, что многое зависит от политики. Политика во всем мире исчерпала себя. Она завела человечество в тупик. Она не может реализовать его мечты. А политика в основном реализуется через текст, через бесконечное говорение... Язык перестал выражать человеческую личность, он слишком много стал врать. Язык тела более интимен, он связан с подсознанием, и его нельзя контролировать. А то, что говорится, все время контролируется.

- Настало время помолчать?

- Нет. Просто пантомима дает немножечко «отдышаться» искренним, чистым вещам. Она время от времени всплывает в истории человечества и опять исчезает.

- В бытовом смысле как вам живется?

- Нормально. Что мне надо, у меня есть. Я же профессионал, в любом месте могу выжить. Если даже меня поместить в деревню, я за яйца и сало отработаю, и мужики все это принесут.

Было время, когда я очень высоко взлетел в России - ЦК комсомола, правительственные концерты, - и мне ужасно все это надоело. Я взял у обкома комсомола на месяц автобус и попросился в самый дальний колхоз. В 500 км от Питера нашли колхоз, где не было ни одного гармониста за 20 лет, не то что дома культуры. Мы ночевали на сеновалах, ездили по селам. Доставляло удовольствие работать с людьми просто так, бесплатно. Мы выступали на остановках автобуса, во дворе какого-то селы. Я понимал заново, что такое человек в его повседневной жизни и что ему нужно от культуры. С теми людьми мне было легче это понять, чем в каком-то зале, где хлопают только потому, что так положено. Эти люди меня не зна-

ли. Просто кто-то перед ними появлялся, и если интересно

- они оставались. А если нет, то - им надо идти полоть, им некогда с нами разговаривать.

- Вас называют «великий Полунин»...

- А мне нужно, чтобы меня не признавали, не любили.

Чтобы этого добиваться. Я сейчас нахожусь в пустыне и иду на ощупь. Я пришел к такой точке, когда вобрал весь опыт и пытаюсь продвинуть этот вид искусства в незнание. Я искал трагическую клоунаду, сейчас перешел в метафизику. Последние мои опыты связаны с Хармсом. У меня в хармсовском спектакле одно-

временно Гоголь, Достоевский, Толстой и Пушкин. Называется спектакль «Баден-Баден».

- Как нужно работать, чтобы получить, как вы, высшую награду у самих англичан - премию Л. Оливье?

- Сцена для меня - очень ответственное место: приходится столько вкалывать, чтобы одну минуту простоять на сцене! Если хочешь внести хоть капельку красоты в мир, предстоит много труда.

- В Москву не собираетесь?

- Ищу зал для своих гастролов.

- Все ваши спектакли об одиночестве. А люди считают, что ваш жанр призван смешить...

- Любой жанр искусства настолько же серьезен, насколько и жизнь любого человека.

Марина МУРЗИНА,
Сергей ОСИПОВ

Фото Геннадия Усоева

Артист и факт - 1998. - мой. - (мхл) - с. 16.